

палату; б) заново сформувати Судову палату; в) зберегти за собою юрисдикцію стосовно цього питання.

Відповідна Палата у встановлену нею дату (про яку вона повідомляє заявника і всі сторони, що брали участь у розгляді), проводить слухання для визначення того, чи слід переглянути рішення про визнання винним або про призначення покарання (вирок). Для цілей проведення слухання ця палата здійснює *mutatis mutandis* всі повноваження Судової палати відповідно до ч. 6 і норм, що регулюють розгляд і надання доказів у Палаті попереднього провадження й Судовій палаті. Рішення про перегляд регламентується положеннями, що можуть бути застосовані, п. 4 ст. 83 Статуту.

Таким чином, Статут і ППД заклали необхідні правові підвалини для оскарження рішень МКС. З урахуванням суперечливості норм, що регулюють міжнародний кримінальний процес можемо зробити висновок, що остаточне узгодження зазначених процедур відбуватиметься саме в судовій практиці. Але вже зараз доктринальні уявлення правознавців різних країн світу базуються на необхідності надання належних гарантій оскарження судових рішень будь-кому, хто постає перед міжнародним кримінальним судовим органом.

Список літератури: 1. *Jennings M. The Procedural Regime of the International criminal court.* <www.isrc.org/Papers/Jennings.pdf>. 2. *La Rosa A.-M. Revision Procedure under the ICC Statute // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary* (Ed. by Cassese A., Gaeta P., Jones J. R.W.D.) – Vol.2. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 1559-1575. 3. *Roth R., Hanzelin M. The Appeal Procedure of the ICC // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary* (Ed. by Cassese A., Gaeta P., Jones J. R.W.D.) – Vol.2. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 1535-1558. 4. *Orie A. Accusatorial v. Inquisitorial Approach in International Criminal Proceedings Prior to the Establishment of the ICC and in the Proceedings Before the ICC // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary* (Ed. by Cassese A., Gaeta P., Jones J. R.W.D.) – Vol.2. – New York: Oxford University Press, 2002. – P. 1439-1495. 5. *Гуценко К.Ф., Головка Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств.* – М.: Зерцало-М, 2001. – 480 с.

Надійшла до редакції 13.11.2003 р.

УДК 341.43

Е. А. Гончаренко, аспірантка
*Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков*

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ

Беженство с правовой точки зрения – это аномалия, так как в боль-

шинстве случаев является следствием нарушения прав человека. В настоящее время одна из основных задач государств – предупредить, ограничить и постараться урегулировать эту проблему. Ее чрезвычайность и сложность требуют рассмотрения международно-правового статуса беженцев с позиции его принципов, имеющих определяющее значение.

Проблема беженцев многонациональна. В разное время ее исследованием занимались многие ученые как в Украине, так и за рубежом. Наиболее известными отечественными учеными, которые обращались к ее изучению, являются М. В. Буроменский, В. Н. Новик, О. И. Пискун, В. П. Трошинский, С. Б. Чехович, М. Г. Шульга и др. [См.: 1; 7; 9; 13; 14; 15].

Правовой статус беженцев следует понимать как совокупность их субъективных прав и обязанностей. Как и всякое правовое положение личности, такой статус должен основываться на базе определенных правовых начал, которые задают ему некую направленность, формируют его сущность и влияют на содержание, каковыми, на наш взгляд, являются принципы статуса беженцев в международном праве. Более широко их можно определить следующим образом. Это правовые руководящие идеи, на которых строится и существует правовое положение беженцев, основы, сдерживающие и ограничивающие поведение государств с целью соблюдения и уважения к их правам, способствующие формированию единообразного отношения государств в применении норм, касающихся этой группы лиц. Если допустить, что в правовом положении беженцев основным содержанием служат их права и обязанности, то принципы по отношению к последним, выполняют функции созидающей системы. Они в явной или подразумеваемой форме закреплены в Конвенции 1951 г., Протоколе 1967 г., региональных документах, а также национальных актах государств – их участников. Из последнего тезиса вытекает, что принципы правового статуса беженцев могут быть международными и внутригосударственными.

Международно-правовые принципы статуса беженцев не существуют сами по себе. Посредством процедуры имплементации международного права во внутригосударственное они переходят на уровень принципов права конкретного государства, но при этом не теряют своего международно-правового качества. Внутригосударственные, будучи отражением международных, могут текстуально не совпадать с ними, быть больше по количеству и т.п. В данной статье ставится задача не рассмотреть их детально, а проанализировать на наш взгляд, основные принципы международно-правового статуса беженцев. Они исхо-

дят из таких базовых начал международного права, как уважение государственного суверенитета, суверенное равенство государств, сотрудничество, международно-правовая ответственность. Рассмотрим их.

Принцип невысылки (non-refoulement). На универсальном уровне этот принцип зафиксирован в ст.33 Конвенции 1951 г. о статусе беженцев [8, с.772]. Постепенно он стал основополагающим и общепризнанным как принцип международной защиты прав человека.

Предоставление статуса беженца, как уже указывалось, является одним из основных видов защиты прав и свобод человека, прежде всего его жизни и здоровья. Предоставляя указанный статус, государство берет на себя определенные обязательства, в частности, принудительно не высылать лицо на территорию той страны, где ему может угрожать опасность преследования по политическим, национальным, религиозным или другим мотивам. Из этого принципа следует неотъемлемое право человека не подвергаться высылке или возвращению в страну, где может быть поставлена под угрозу его жизнь или свобода. Без этого убежище теряет всякий смысл, так как лицо лишается возможности безопасного проживания на территории принявшей его страны.

Принцип невысылки действует независимо от того, предоставлен ли официально статус беженца лицу, ищущему убежище. С того момента, когда лицо уже желает получить указанный статус, оно заявляет о себе как о беженце. Не имеет значения также, каким образом такое лицо попадает на территорию и под юрисдикцию государства-убежища, важен результат действий последнего. Если лицо, ищущее защиты, принудительно возвращают в страну, где оно вполне обоснованно опасается преследований, то это принудительное возвращение, противоречащее международному праву [16, с.41].

Однако принцип невысылки нельзя считать абсолютным. Международное сообщество придерживается принципа непредоставления убежища и статуса беженца лицам, относительно которых "имеются серьезные основания полагать, что они совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах..." [8, с.772]. Кроме того, принцип невысылки не применяется в отношении граждан, совершивших тяжкое преступление неполитического характера вне страны, давшей им убежище, и до того, как они были допущены в нее в качестве беженцев, или виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам ООН. Государства также сделали оговорки относительно того, что в интересах обеспечения государственной безопасности и общественного порядка они сохраняют за собой право высылки беженца (ч.1 ст.32) [8, с.772]. Представляется,

что ч.1 ст. 32, должна применяться с учетом пропорциональности, т.е. при высылке должны приниматься во внимание последствия, которые могут наступить для беженца по его возвращении в страну гражданства или в место постоянного жительства. Доводы беженца о том, что он может быть наказан по возвращении на родину, должны также браться во внимание правоприменяющим органом высылающей страны, как и аргументы в пользу его высылки из этой страны.

Принцип невыдачи (non-expulsion). В международном праве существует общий запрет на выдачу беженцев. В тексте Конвенции 1951 г. нет предписаний, касающихся выдачи беженцев, поскольку ее разработчики не сочли необходимым повторить запрет выдачи преследуемых лиц по запросу того или иного государства. Вместе с тем ст. 33 Конвенции предусматривает принудительное возвращение беженцев в страны, из которых они прибыли. Это происходит в случае, если беженцы в силу уважительных причин рассматриваются как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или же если они осуждены вопреки воле в силу приговора за совершение особо тяжкого преступления и представляют общественную угрозу для страны (н. 2) [8, с. 772]. Правильно этого пункта указывает на правовую возможность выдачи беженцев только лишь в исключительных ситуациях, каковыми являются угроза безопасности страны убежища и совершение особо тяжкого преступления. Во всех иных ситуациях принцип невыдачи не изменен. Таким образом, и выдача и высылка представляют собой акт изгнания индивида. Разница лишь в том, что высылка – административный акт национального права, а выдача – акт судебной помощи государства в международно-правовом аспекте, предполагающей судебное преследование выдаваемого лица. Высылка производится по инициативе государства, на территории которого находится лицо, а выдача – при наличии требования со стороны иного государства.

Вместе с тем зададимся вопросом: почему государства – участники Конвенции пошли на некоторые исключения из принципа невыдачи. Ответ на него во многом риторичен. Норма ч. 2 ст. 33 Конвенции, отражающая право государств поступать в соответствии со своим суверенитетом, по сути, предупреждает совершение преступлений беженцами и обязывает их уважать законы страны пребывания. Следовательно, если беженцы будут совершать преступления, указанные в ч. 2 ст. 33, государства-убежища вправе выдать их запрашивающему государству без соблюдения альтернативной процедуры, присущей высылке (ч. 3 ст. 32 Конвенции).

В этой связи возникает следующий вопрос: возможен ли вариант, при котором беженца выдают государству, направляющему соответ-

вующий запрос с целью репрессирования этого лица по политическим, этническим, религиозным или другим мотивам? Обращает на себя внимание нормотворческая практика государств Совета Европы по выдаче беженцев по этому основанию. Например, Европейская конвенция 1957 г. "О выдаче преступников" запрещает выдачу, "... Если у стороны, получившей запрос, имеются серьезные основания полагать, что запрос о выдаче за обычное уголовное преступление направлен с целью преследования или наказания лица вследствие его расы, религии, гражданства или политических убеждений или что положение данного лица может быть нанесен ущерб по одной из этих причин" [Цит. по: 2, с.497]. Однако с юридической точки зрения представляется возможной выдача лиц, совершивших указанные в ч.3 ст.33 преступления, даже когда запрашивающее государство пытается преследовать или наказать их по политическим, этническим, религиозным или другим причинам. Во всяком случае Конвенция 1951 г. не отвечает на этот вопрос отрицательно, что, на наш взгляд, является ее существенным недостатком.

Принцип добровольной репатриации. Этот принцип представляет собой одно из кардинальных начал права беженцев и закреплен во многих международных и национальных законодательных актах. Его смысл состоит в том, что репатриация должна осуществляться лишь при наличии свободно выраженного волеизъявления беженца; добровольный и индивидуальный характер репатриации беженцев и необходимость его осуществления в условиях полной безопасности возвращающихся лиц должны всегда соблюдаться. Государствам следует уважать личное и свободно выраженное желание заинтересованного лица. Беженцы должны иметь возможность безопасно оставить принимающую их страну и репатриировать при условии сохранения их безопасности и достоинства в страну, где они родились или прежде проживали. Кроме того, необходимо чтобы принимающая страна была готова принять таких людей, обеспечить им эффективную защиту, включающую личную безопасность, безопасность их близких, а также право на амнистию.

Принцип временной защиты [11, с.87-91]. Идея временного убежища (или защиты) фигурирует в международном праве как альтернатива принудительному возвращению. Временная защита соответствует духу Конвенции 1951 г. и Протокола ООН 1967 г. Она применяется в случае массового наплыва беженцев в страну. Бывает, что государство, у которого беженцы впервые просят убежища, не в состоянии принять их на длительное время, но оно обязано принять их хотя бы временно и предоставить защиту. При этом допуск в страну должен быть обяза-

тельным без какой-либо дискриминации по признакам расы, религии, политических убеждений, гражданства или физической нетрудоспособности. Таким образом, временная защита является основой принципа защиты беженцев в период поиска долговременных решений и позволяет им обеспечить минимальные права и стандарт обращения.

Принцип предоставления политического убежища. В международном праве он регулируется, как правило, международно-правовыми обычаями, а также Декларацией о территориальном убежище, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1967 г. Во внутригосударственном праве это особое личное право, которое конституции и законы современных демократических государств предоставляют иностранным гражданам и лицам без гражданства [10, с.14]. Так, право на предоставление политического убежища содержат, в частности, ст.10 Конституции Италии, ст.13 Конституции Сирии [См.: 4]. ФРГ в ст.16 п.1 Основного Закона ФРГ гарантирует право убежища преследуемым по политическим мотивам. Преамбула Конституции Франции 1958 г. закрепляет принцип предоставления убежища лицу, которое преследуется за свои действия, выражающие стремление к свободе. Конституция Испании в ст.11 ч.4 закрепила, что Закон устанавливает условия, при которых граждане других государств и апатриды могут воспользоваться правом убежища в Испании [3, с.33].

В странах Центральной и Восточной Европы, а также тех, которые образовались после распада СССР, институт убежища только в 90-е годы приобрел характерные ему черты, согласованные с практикой международного права и понятиями конституционализма. В частности, Конституции Польши, Венгрии, Болгарии, Румынии, Хорватии, Словении [См.: 5], Азербайджана, Беларуси, Грузии, Молдовы, России, Украины [См.: 6] содержат положения, согласно которым в них закрепляется право предоставления убежища. И хотя формулировку права на убежище и условия его предоставления каждое государство разрабатывает по-своему, основной акцент ставится на предоставление такого права по политическим мотивам.

Равное распределение бремени по приему и обустройству беженцев всеми государствами. Этот принцип не нашел отражение в тексте Конвенции 1951 г. Тем не менее он находит широкое признание в международной практике последних лет. Его суть сводится к тому, что в решении судьбы беженцев принимает участие не только страна убежища, но и государство исхода. В настоящее время указанный принцип находится в стадии становления и для его утверждения Исполком УВКБ ООН принимает многочисленные резолюции [11, с.121-125].

Проблема беженцев глобальна, что обусловлено, прежде всего

тем, что, во-первых, перемещение населения между государствами, коснулось всех континентов земного шара; во-вторых, решение ее возможно лишь в объединении усилий всего международного сообщества, что требует более активного участия всех государств. Коллективные действия государств необходимы в тех сферах, которые не считаются компетенцией УВКБ ООН и его партнеров: в защите прав человека, поддержании мира и безопасности внутри государств и в отношениях между ними, а также в контроле над массовым миграционным движением. Исследуемая проблема выходит за пределы национальных границ и не может быть решена путем разобщенных действий стран. Поэтому подход, сочетающий усилия стран исхода и принимающих стран, а также других государств и международных организаций является в настоящее время наиболее эффективным.

Принцип гибкого, оперативного и гуманного определения статуса беженцев. Конвенция ничего не говорит о порядке установления статуса беженца. Следовательно, выбор средств реализации ее положений на национальном уровне оставлен на усмотрение государств. Действительно, предоставление статуса беженца основывается на национальном законодательстве. Для государств, ратифицировавших Конвенцию 1951 г. и Протокол ООН 1967 г., которые предусматривают различные льготы для беженцев, легче определить конкретные стандарты. Кроме того, указанные международно-правовые документы не запрещают государствам предоставлять статус беженца лицам, которые не подпадают под определение Конвенции, в которой также ничего не говорится о создании процедур по определению статуса беженца либо о фиксации иного порядка установления и выявления лиц, претендующих на его получение.

Ратифицируя Конвенцию 1951 г. и Протокол ООН 1967 г., государства не только берут на себя обязательства по установлению статуса беженца и соответствующего обращения с ними, но и неизбежно обязуются добросовестно выполнять эти положения. Выбор средств для выполнения большинства положений Конвенции 1951 г. также оставлен на усмотрение самих государств: они могут внести их в свое национальное законодательство, создать административные правила, принять специальные процедуры либо сочетать разные методы. Для выполнения государством своих обязанностей необходимо, чтобы такие средства были не только сформулированы и формально закреплены государством, но и были действительны и способствовали эффективной реализации положений международных договоров.

Таким образом, хотя приведенные принципы и не являются исчерпывающими, они представляют собой международно-правовой стан-

дарт поведення в сфері обращения с беженцами. По мнению международных экспертов, указанные принципы являются одним из "критериев демократического общества" [12, с.110]. Поэтому очень важно, чтобы они ставились во главу угла при определении и обеспечении статуса каждого беженца.

Список литературы: 1. Буромонский М.В. Міжнародний захист прав людини та права біженців: Учеб. посібник. – К.: УВКБ ООН, 2002. – 160 с. 2. Гудвин: Гилл Г.С., Статус беженца в международном праве / Пер. с англ. / Под ред. М. И. Левиной. – М.: ЮНИТИ, 1997. – 647 с. 3. Испания. Конституция и законод. акты. / Пер. с исп. – М.: Рос. право, 1982. – 184 с. 4. Конституция зарубежных стран. Учеб. пособие / Сост. В. В. Маклаков. – М.: Изд-во БЕК, 1997. – 586 с. 5. Конституции новых государств Европы и Азии / Сост. С. Головатый. – К.: Право, 1996. – 544 с. 6. Конституции стран – членов СНГ: Сб. документов. – Ереван: Фемида, 1997. – 278 с. 7. Носік В. Глобальні виміри міграції // Віче. – 1999. – № 5. – С. 17-18. 8. О статусе беженцев: Конвенция ООН 1951 г. // Международ. право в документах: Учеб. пособие / Под ред. Н. Т. Блатова. – М.: Юрид. лит., 1982. – 811 с. 9. Піскун О. І. Статус біженців та інститут притулку в міжнародному праві // Укр. часопис прав людини. – 1997. – № 1. – С. 47-52. 10. Положение о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации // Дипломат. вестн. МИД РФ. – 1995. – 811 с. 11. Сборник международно-правовых документов и национальных законодательных актов по вопросам беженцев / Сост. Ю. Л. Сарашевский. – Мн.: Тесей, 2000. – 464 с. 12. Свобода передвижения и выбора места жительства в странах СНГ: Матер. засед. группы экспертов 8-10 декабря 1997 г., Женева – К.: УВКБ ООН, 1998. – 110 с. 13. Троциньський В.П. Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище / НАН України. Інститут соціології. – К.: Інтел, 1994. – 238 с. 14. Чехович С.В. Про вдосконалення державного управління у сфері міграції // Права України. – 1998. – № 4. – С. 83, 84. 15. Шульга М. Конституція України про міграційні процеси та повернення депортованих // Біженці і міграція: Укр. часопис права і політики. – 1997. – № 1. – С. 12-20. 16. Stenberg G. Non-expulsion and non-refoulement: The prohibition against removal of refugees. – Vol. 9. – Uppsala, 1994. – 212 p.

Надійшла до редакції 18.11.2003 р.

УДК 341.2

*О.А. Мирошниченко, аспирантка
Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков.*

ЭВТАНАЗИЯ – ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО И НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В последнее время перед международными органами по защите прав человека встал проблема правомерности эвтаназии – от греческого "eu" (хорошо) и "tha'natos" (смерть), что означает ускорение наступления смерти больного по его просьбе какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по